

—
STUDIA
URBANICA

Умо-зрение

Посвящается Саскии Сассен

С самого детства я подозревал, что столь звучный призыв, как «Познай самого себя»,—это уловка клики священников. Они хотят выманить человека из действительности внешнего мира, отвлечь его своими невозможными запросами, втянуть во внутреннее псевдосозерцание. Но человек может познать себя, только познав мир—мир, который он познает лишь в себе и себя лишь в нем.

Гёте

РИЧАРД
СЕННЕТ

УМО-ЗРЕНИЕ

Устройство
и социальная
жизнь городов

Новое
литературное
обозрение

2024

УДК 711.4.01
ББК 85.118.0,00
С31

Сеннет, Р.

С31 Умо-зрение: Устройство и социальная жизнь городов / Ричард Сеннет; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 328 с. (Серия STUDIA URBANICA)

ISBN 978-5-4448-2558-7

Почему при встрече в городе с незнакомым человеком мы опускаем взгляд? Этим вопросом задается Ричард Сеннет в своем исследовании истории городского планирования. Анализируя разнообразные урбанистические объекты (от античных гимнасиев до турецких бань в Нью-Йорке), а также произведения искусства (от гравюр эпохи Возрождения до граффити в метро), автор показывает, как формировался страх открытости перед незнакомцем, как возводилась непроницаемая стена между внутренней и внешней жизнью и как в связи с этим менялась физическая структура города и архитектура. В «Умо-зрении» Сеннет формулирует принципы искусства открытости и симпатии: он показывает, какими способами можно справиться с многосложностью и многообразием городского существования, как создать пространство, в котором можно без страха увидеть другого и открыться его взгляду. Ричард Сеннет — американский историк и социолог, профессор социологии в Лондонской школе экономики и старший научный сотрудник Центра капитализма и общества при Колумбийском университете.

УДК 711.4.01
ББК 85.118.0,00

В оформлении обложки использована картина «Дворик в Делфте», худ. Питер де Хох. 1658. Лондонская национальная галерея.

The Conscience of the Eye
Copyright © 1990 Richard Sennett.
All rights reserved.

© Мастерская литературного перевода Д. Симановского: Н. Данилова, Е. Чернецова, В. Дегтярев, Г. Д. Йоханссон, перевод с английского языка, 2024

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Содержание

Предисловие: умо-зрение	6
-----------------------------------	---

Часть первая. Тени внутри

Глава 1. Убежище	12
Глава 2. Нейтральный город	56

Часть вторая. Глаз ищет единства

Глава 3. Открытое окно века Просвещения	94
Глава 4. Неожиданные последствия визуального единства	128

Часть третья. Человечный город

Глава 5. Открытость	160
Глава 6. Улицы, наполненные жизнью	197
Глава 7. Места, наполненные временем	222

Часть четвертая. Искусство открытости

Глава 8. Создание открытых вещей	268
Глава 9. В поисках равновесия.	306

Предисловие: умо-зрение

Древним грекам зрение позволяло видеть сложнейшее многообразие жизни. Храмы, рынки, площадки для спортивных игр, места для собраний и встреч, стены, живопись и скульптуры на улицах древнего города — все это отражало культурные ценности: религиозные, политические и семейные. А вот куда в современном Лондоне или Нью-Йорке отправиться, чтобы испытать, скажем, раскаяние? До конца не понятно. Трудно даже представить. А если бы современных архитекторов попросили спроектировать пространства, которые бы служили укреплению демократии, они бы просто опустили руки — в современном пространственном дизайне нет эквивалента античной агоры. Ничуть не легче представить общественное пространство, где мы в толпе других людей постигали бы моральное измерение сексуального желания — для греков этой цели служили гимнасии, у нас же есть лишь почти безмолвная тишина спальни и уединение кушетки психотерапевта. Если рассматривать камни современного города как материал культуры, то, кажется, архитекторы и проектировщики сложили их неправильно, поскольку формы торговых центров, парковок и лифтов многоквартирных домов не отражают всей многосложности человеческого общежития. То, что когда-то было особым переживанием места, сегодня представляется мыслительной операцией без какой-либо привязки к пространству.

Мы никогда не сможем возродить греческое прошлое, даже если нам захочется, да нам и не захочется — их города держались на массовом рабстве. Но та ясность, с которой они могли буквально видеть всю полноту жизни, заставляет задаться вопросом: почему наше видение не может быть столь же полным. На этот вопрос я и попытался ответить в этой книге.

Одно из различий между греческим прошлым и нашим временем можно обозначить так: в античных городах зрение

использовалось для восприятия политики, религии и эротических переживаний, современная же культура страдает от разрыва между внутренним и внешним. Это раскол между субъективными переживаниями и житейским опытом, между человеком и городом. Более того, когда люди стремятся к вещественному воплощению своей внутренней жизни, наша культура встречает это жестоким сопротивлением. Это отличает нас не только от наших предков, но и от более современных неевропейских культур, в которых маски, танцы, обряды, храмы, священные места и космологии соединяют внутреннюю жизнь отдельного индивида с вещами физического мира.

Этот раскол между нашими внутренними субъективными переживаниями и внешней материальной жизнью, по сути, есть свидетельство большого страха, который наша цивилизация испытывает, но отказывается признать, не говоря уже о том, чтобы принимать его во внимание. Многолюдные пространства в современном городе — это либо места, специально приспособленные под нужды потребления, такие как торговые центры, либо пространства, тщательно подготовленные для переживания туристического опыта. Роль города как сцены жизни была упрощена и ослаблена неслучайно. Наряду со всевозможными экономическими и демографическими причинами такого нивелирования существует и более глубокая, поистине «духовная» причина нашей готовности мириться со столь безликой сценой для собственной жизни. Внешний вид современного города отражает наш сильный, неотрефлексированный страх перед открытостью. «Открытость» в нашем сознании связана скорее с риском испытать боль, нежели с возможностью получить мотивирующий опыт. Страх перед открытостью — это своего рода милитаризованная концепция повседневности, как будто нападение и оборона — это настолько же уместная модель в частной жизни, как и на войне. Характерной чертой наших городов является стремление огородить стенами различия между людьми, исходя из предпосылки, что различия скорее угрожают соседям, нежели взаимно мотивируют. Поэтому мы строим в городах безликие, нейтральные

пространства—пространства, устраняющие всякую угрозу социального контакта: уличные стены, облицованные листовым стеклом, трассы, которые отрезают бедные кварталы от остальной части города, спальные районы.

В этой книге я постараюсь показать, как возник страх перед открытостью и как возводилась стена между внутренней и внешней жизнью. Отчасти это произошло из-за нашей религии: христианство задало западной культуре вектор, благодаря которому и выросла стена между внутренними переживаниями и внешним опытом. А тени, которые отбрасывает эта стена, продолжают омрачать и наше, уже светское, общество. Более того, попытки объединить внутреннее и внешнее измерения, просто разрушив эту стену и превратив внутреннее и внешнее в одно органическое целое, не увенчались успехом—единства можно достигнуть лишь через принятие многосложности и различий.

Открытая, внешняя жизнь города не может быть простым отражением жизни внутренней. Сегодня раскрытие происходит в толпе, среди незнакомцев. И культурная задача современного города заключается в том, чтобы заставить эту обезличенную среду говорить, избавить ее от нынешней серости, от присущей ей сегодня нейтральности, истоки которой можно обнаружить в представлениях о том, что внешний мир нереален. Основная проблема современного города сводится к вопросу, как вдохнуть жизнь во внешнее, как сделать его частью человеческого опыта.

В бою, на смертном одре или просто на улице древний грек едва ли был мягкотелым добросердечным сентименталистом, которого можно было легко растрогать до слез чужой болью. Напротив, считалось, что ценность наблюдения и за трудностями, и за разнообразием мира заключается в том, что, соприкасаясь с ними, человек постепенно обретает свое место, свой способ сохранять равновесие. Такое состояние греки называли *sophrosyne*, что можно перевести как «грация» или «самообладание». Сегодня человека, которому удастся сохранять самообладание, мы бы назвали уравновешенным. И город должен быть школой, где можно научиться такой уравновешенности. Через раскрытие, через

контакт с другими мы можем научиться понимать, что важно, а что — нет. Различия, с которыми мы сталкиваемся на улице и в других людях, стоит воспринимать не как угрозу или повод расчувствоваться, но как необходимую часть визуального ландшафта. Необходимую для того, чтобы научиться ориентироваться в жизни, сохраняя баланс — как личный, так и коллективный.

Может показаться, что дело исчерпывается размышлениями над тем, что мы видим, определением своего места по отношению к другим людям. Но для греков поиск равновесия подразумевал не только созерцание, но и действие. Результатом внимательного созерцания было желание что-то сделать. Греки называли это желание *poiesis*; от этого же слова образовалась «поэзия», однако значение древнегреческого понятия было шире, чем просто искусство. Уравновешенный человек желает произносить речи, сражаться, любить или сочинять стихи, сохраняя всё те же качества — благоразумие и самообладание. А поскольку к своим действиям и деяниям он подходил с должным вниманием, понятия *sophrosyne* и *poiesis* были тесно связаны. И пусть я не захожу столь далеко, как Дональд Олсен, рассматривая «город как произведение искусства» в одноименной книге¹, мысль, которая стоит за этим названием, кажется мне верной. Внимание к тому, что ты видишь в мире, приводит к мобилизации творческих способностей. В современном городе эти творческие способности должны приобрести особую, гуманную форму, обращающую людей вовне. Наша культура нуждается в искусстве открытости; раскрывшись, мы не падем жертвами друг друга, а скорее станем более уравновешенными взрослыми людьми, способными справляться с многосложностью и различиями и выносить уроки из соприкосновения с ними.

Умо-зрение — это последняя часть трилогии о городской культуре, которая родилась без какого-либо изначального плана. Первой книгой стало опубликованное более десяти лет назад «Падение

¹ *Olsen D.J. The City as a Work of Art: London, Paris, Vienna. New Haven: Yale University Press, 1986.*

публичного человека»¹. В ней я исследовал разделение между публичной и частной жизнью с точки зрения поведения в обществе как своего рода ритуала. В этой работе я хотел показать, как вместе с этими ритуалами из публичной сферы ушла жизнь. Второй книгой трилогии стал роман «Пале-Рояль»², посвященный тому, как многосложность города обогащает жизнь людей, терпящих неудачи, в том понимании, в котором мир оценивает неудачи и успех. В данной книге я постарался совместить социальную критику первой части трилогии с более личным видением второй. В большей степени, нежели две предыдущие, эта работа затрагивает вопросы архитектуры, городского планирования, скульптуры в общественных пространствах и сцен, которые в этих пространствах происходят, в их соотношении с культурной жизнью.

Благодарности

Возможность написать эту книгу я получил благодаря гранту Чикагского института архитектуры и урбанизма. Я хотел бы поблагодарить директора института Джона Уайтмана за воодушевление и поддержку. Отдельные главы книги я впервые представил на семинарах Генри Люса в Йельском университете в 1986 году и получил неоценимые советы своих коллег и студентов. Четвертая глава в первой редакции была в 1988 году опубликована в весеннем выпуске журнала *Raritan*. Я в особом долгу перед Карлом Шорске, моим самым постоянным, внимательным и скептически настроенным критиком.

¹ *Sennett P.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. (New York, 1977.)

² *Sennett R.* Palais Royal. A Novel. New York, London: W. W. Norton, 1994.